

О. Н. Кондратьева

Кемерово, Россия

МЕТАФОРА КАК ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН

АННОТАЦИЯ. В статье рассматриваются вопросы лингвокультурологического описания метафорических моделей. Предлагается типология лингвокультурных различий метафор, делается вывод о национальной специфичности процессов метафорического моделирования.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: лингвокультура; национальное мировидение; концептуальная метафора; метафорическая модель; концептуализация, дискурс.

Сведения об авторе: Кондратьева Ольга Николаевна, кандидат филологических наук, доцент, Кемеровский государственный университет.

Адрес: Кемерово, Россия, г. Кемерово, ул. Красная, 6.

E-mail: Kondr25@rambler.ru.

O. N. Kondratyeva

Kemerovo, Russia

A METAPHOR AS A LINGUOCULTURAL PHENOMENON

ABSTRACT. The article presents the issue of linguistic and cultural descriptions of metaphorical models. The typology of linguocultural distinctions of metaphors is offered, the conclusion about national specificity of processes of metaphorical modelling is done.

KEY WORDS: linguoculture; national worldvision; conceptual metaphor; metaphorical model; conceptualization; discourse.

About the author: Kondratyeva Olga Nikolayevna., Associate Professor, Candidate of Philology, Kemerovo State University.

Современная антропоцентрическая парадигма предполагает изучение метафоры с учетом многообразных взаимоотношений между языком, мышлением, культурой, коммуникацией, между спецификой дискурса и состоянием общества в конкретный временной период. Сформировалось четкое убеждение в уникальности метафоры, основанное на том, что она может выступать «как функциональная единица трех пространств: когнитивного, культурного и лингвистического» [Привалова 2005: 46], что во многом определило особое внимание к данному феномену лингвокультурологии.

В центре исследовательских интересов лингвокультурологии находится описание фактов языка и культуры в их взаимодействии и взаимосвязи, установление универсальных и национально-специфических черт языковых единиц всех уровней, речевой деятельности, дискурса.

Ранее различные аспекты взаимодействия языка и культуры в той или иной степени становились объектом исследовательского внимания целого ряда дисциплин, в частности, этнолингвистики, этнопсихоллингвистики, лингвострановедения, межкультурной коммуникации, социоллингвистики, но именно лингвокультурология стала «своеобразным «интегратором» научных поисков, посвященных проблемам взаимодействия языка и культуры» [Юрков 2012].

Культура является исторической памятью народа, язык же, «благодаря его кумулятивной функции, хранит ее, обеспечивая диалог поколений, не только из прошлого в настоящее, но и из настоящего в будущее» [Телия 1996: 228]. Восприятие языка в качестве культурного кода нации, хранителя национальной культуры, транслирующего от поколения к поколению культурные ценности, становится ведущим постулатом лингвокультурологии.

На современной стадии развития лингвокультурологии происходит максимальное расширение поля ее исследовательского внимания, объектом изучения признаются любые проявления культуры в языке как в синхронии, так и в диахронии. Детально изучаются способы и средства репрезентации в языке объектов культуры, особенности представления в языке менталитета того или иного народа, закономерности отображения в семантике языковых единиц ценностно-смысловых категорий культуры [Алефиренко 2010]. При этом лингвисты рассматривают в лингвокультурном аспекте как картину мира и образующие ее единицы – концепты, так и отдельные репрезентирующие их языковые средства, прежде всего – фразеологизмы, паремии, этнонимы, стереотипы, символы, метафоры.

Метафора является специфической формой отражения национально-культурного наследия в языке, что и определяет особый интерес к описанию закономерностей процесса метафоризации для лингвокультурологии (см. работы А. А. Новоселовой, В. А. Масловой, Е. Стояновой, В. Н. Телия, Э. Р. Хамитовой, Е. Е. Юркова и др.). Исследователи единодушно отмечают, что поиск «лингвокультурного вектора метафоризации ведет к изучению глубинных основ национально-культурного миропонимания, определяющего многие особенности национально-языковой картины мира, национального (и индивидуального!) языкового сознания» [Юрков 2012: 4].

Вопрос о согласованности метафор с национальными культурными ценностями был поднят в исследованиях Дж. Лакоффа и М. Джонсона. Исследователи пришли к выводу, что «те ценности, которые реально существуют и

глубоко укоренились в культуре, согласуются с метафорической системой». При этом культурные ценности существуют не изолированно друг от друга, а должны образовывать согласованную систему вместе с метафорическими понятиями, в мире которых протекает наша жизнь [Лакофф, Джонсон 1990: 405].

Аналогичные идеи неоднократно высказывались и отечественными лингвистами (см. работы Ю. Д. Апресяна, А. Н. Баранова, Э. В. Будаева, В. Г. Гака, Е. С. Кубряковой, В. Н. Телия, Б. А. Успенского, А. П. Чудинова и др.).

В частности, широкое распространение в лингвокультурологии получило предложенное В. Н. Телия понятие культурной коннотации (Телия 1993; Маслова 2001; Хао 2004; Хамитова 2008; Юрков 2012 и др.). Лингвисты убедительно продемонстрировали, что национально-культурная коннотация является результатом интерпретации ассоциативно-образного основания метафоры или фразеологической единицы, она формируется посредством соотношения их с эталонами, стереотипами, мифологемами, характерными для лингвокультурного сообщества (например, у разных народов эталонами красоты, мудрости, смелости, трусости и могут быть разные животные и птицы).

Таким образом, метафора является значимым средством сохранения и трансляции от поколения к поколению ассоциаций, стереотипов и эталонов национально-культурной общности. Соответственно, метафоры основываются на системе общепринятых аналогий, ассоциаций, усваиваемых личностью в процессе социализации и овладения родным языком, а потому известных и понятных всем представителям лингвокультуры.

Одним из основных вопросов, связанных с лингвокультурной спецификой метафоры, является вопрос об универсальных метафорических моделях. Как когнитивный механизм и способ концептуализации мира метафора характеризуется универсальностью, что проявляется в повсеместной соизмеримости познаваемых объектов с доступными и понятными для человеческого восприятия образами и символами, и именно эта универсальность является своеобразным залогом успешной межкультурной коммуникации.

Тем не менее, в различных языках наряду с универсальными моделями присутствуют и модели специфические, поскольку при всей общности когнитивных процессов в жизни каждого народа есть свойственные только ему уникальные условия и особенности быта, истории, культуры, религии, ландшафта, климата и т. д., привносящие национальную специфику в процессы миромоделирования.

Метафорический перенос рождается не в некоей абстрактной среде, а в конкретную эпоху и в конкретной социокультурной ситуации, поэтому возникшая метафора в полном объеме отвечает условиям и потребностям этой ситуации и отражает ее как на ассоциативном, так и на вербальном уровнях. Национально-специфические черты метафоры проявляются в целом ряде особенностей.

1. Существуют уникальные метафорические модели, свойственные исключительно отдельным лингвокультурам. Примеры подобных моделей содержатся преимущественно в работах иностранных исследователей, например, в работах Дж. Вэя, Дж. Лакоффа и М. Джонсона, З. Ковечеша, Б. Льюиса, Л. В. Пейна и др.

Описывая метафору «спор – это война» и рассуждая о культурной обусловленности метафор, Дж. Лакофф и М. Джонсон, отмечали, что можно вообразить такое общество, в котором спор уподоблялся бы не боевым действиям, а, например, танцу. Соответственно, представители такой культуры совершенно иначе воспринимали бы спор, по-другому вели бы его и по-другому говорили бы о нем [Лакофф, Джонсон 1990].

Интересные примеры конкретных метафор, обладающих лингвокультурной спецификой, содержатся в обзорных работах Э. В. Будаева и А. П. Чудинова. Например, анализируя метафорику политического дискурса, авторы отмечают, что власть в арабских странах никогда не ассоциировалась с образом солнца, поскольку палящее солнце губительно для жителей Востока. Мусульманский лидер предстает для подданных спасительной тенью, избавляющей от безжалостного солнца, и одновременно сам является «тенью Бога на земле». Напротив, в странах Запада и России, с их достаточно прохладным климатом, метафора монарха-солнца достаточно традиционна (ср. Король-Солнце Людовик XIV и Владимир Красное Солнышко) [Будаев, Чудинов 2007].

При анализе педагогического дискурса названные авторы обращают внимание на продуктивную для китайской лингвокультуры метафорическую модель «учитель – это ВИРТУОЗ», согласно которой ученики подражают учителю-мастеру, но не ожидают получить от него готовую информацию или однозначные инструкции. В европейской и западной традиции данная модель не зафиксирована, доминирующими являются метафорические модели, посредством которых учитель предстает как РОДИТЕЛЬ, заботящийся о своих детях, САДОВНИК, возвращающий молодую поросль, ПОЛКОВОДЕЦ, ведущий в битву за знаниями, т.е. подобные метафоры репрезентируют активную роль учителя в образовательном процессе, ученик при этом предстает преимущественно как объект воздействия, а не самостоятельный познающий субъект, овладевающий знаниями [Будаев, Чудинов 2007].

2. Зафиксированы случаи специфической реализации универсальных метафорических моделей в пределах конкретной лингвокультуры. Так, например, в исследованиях Дж. Лакоффа и М. Джонсона присутствует упоминание о том, что не все культуры распределяют приоритеты по ориентационной шкале «высокий-низкий», существуют культуры, в которых более существенную роль играют понятия равновесия или расположения относительно центра. Это позволяет данным авторам сделать вывод, что главные ориентационные шкалы представляются общими для всех культур, но виды ориентации, принятые для конкретных понятий, роль ориентационных принципов, с точки зрения их приоритетности, «варьируются от культуры к культуре (выделено нами. – О. К.)» [Лакофф, Джонсон 1990: 407].

В многочисленных исследованиях, посвященных анализу политического дискурса, рассматривается роль кулинарной метафоры в репрезентации политической сферы, соответственно, можно говорить об универсальном характере данной метафорической модели (ср. устойчивое выражение *политическая кухня*). В то же время в большинстве лингвокультур данная метафорическая модель обладает национально-культурным своеобразием. Например, в монографии Л. Цоневой, посвященной анализу метафор в болгарском политическом дискурсе, выделяются метафоры, связанные с национальными блюдами, такими, как *баница*, *пицца*, *кюфте*, *гювеч* и др., центральное место среди которых занимает болгарская *баница* [Цонева 2012: 204-209].

3. Своеобразие метафорических моделей обнаруживается и в пределах одной лингвокультуры на разных этапах ее существования. Например, метафора артефактов является достаточно продуктивной на протяжении всего периода развития русской лингвокультуры. Однако в Древней Руси отсутствовали широко распространенные в настоящий момент метафоры, основанные на сопоставлении души с музыкальным инструментом (скрипкой, арфой, или роялем – ср. *струны души*, *клавиши души* и т.д.), что обусловлено негативным отношением средневековой культуры к музыкальной сфере, в которой видели проявление бесовского начала (см. подробнее Пименова, Кондратьева 2005, Кондратьева 2014). Только после XVIII века, в связи с распространением европейских идей Просвещения и изменением отношения к музыкальному искусству наблюдается возникновение и активное использование подобных метафор в русской лингвокультуре.

Подобные изменения в инвентаре и структуре метафорических моделей могут быть связаны как с изменениями в жизни общества, так и с инокультурным влиянием. Соответственно, изучение метафоры является далеко не единственным, но достаточно продуктивным способом фиксации изменений, происходящих в лингвокультурном сознании.

Дальнейшее лингвокультурологическое исследование метафорики позволит более четко разграничить универсальные и национально-специфичные особенности метафорических моделей.

ЛИТЕРАТУРА

- Алефиренко Н. Ф. Лингвокультурология. Ценностно-смысловое пространство языка. М. : Флинта, 2010.
- Будаев Э. В., Чудинов А. П. Метафора в педагогическом дискурсе: современные зарубежные исследования // Политическая лингвистика. 2007. Выпуск (1) 21. С. 69–75.
- Кондратьева О. Н. Метафорическое моделирование концепта «душа» в древнерусской лингвокультуре : монография. М. : Перо, 2014.
- Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем // Теория метафоры / под ред. Н. Д. Арутюновой, М. А. Журиной. М. : Прогресс, 1990. С. 387–416.
- Пименова, М. В., Кондратьева О. Н. Субфера «артефакты» как источник концептуализации внутреннего мира человека (диахронический аспект) // Вопросы когнитивной лингвистики. 2005. № 1. С. 26–38.
- Привалова, И. В. Интеркультура и вербальный знак (лингвокогнитивные основы межкультурной коммуникации). М. : Гнозис, 2005.
- Стоянова Е. Метафора сквозь призму лингвокультурной ситуации. Шумен : УИ «Епископ Константин Преславски», 2013.
- Телия, В. Н. Русская фразеология : Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996.
- Цонева, Л. Българската политическа метафора. Велико Търново: Ивис, 2012.
- Юрков, Е. Е. Метафора в аспекте лингвокультурологии : автореф. ... дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01. СПб., 2012. URL: <http://dissers.ru/avtoreferati-doktorskih-dissertatsii1/a358.php>.